

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ А. С. ПУШКИНА — ПОМЕТЫ НА РУКОПИСИ «ХРОНИКИ РУССКОГО» А. И. ТУРГЕНЕВА

Неизвестный ранее автограф Пушкина был обнаружен нами в архиве братьев Тургеневых, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 309). Этот фонд издавна привлекает внимание пушкинистов. В нем было выявлено и переведено в Пушкинский фонд (ф. 244) 28 единиц хранения — автографы поэта и материалы к пушкиниане.

История найденной рукописи чрезвычайно интересна и многообразна. Она складывается из комплекса сюжетов, которые определяли взаимодействие Пушкина и А. И. Тургенева в 1830-е годы. В целом они хорошо известны по работам П. Е. Щеголева, М. И. Гиллельсона, И. Л. Фейнберга и других исследователей.¹ Деятельность Тургенева-археографа, совпавшая по времени с работами Пушкина — историка Петра I, имела решающее влияние на их сближение в этот период. Изучение этой деятельности и привело нас к открытию.²

Находка пушкинского автографа — событие, значение которого невозможно переоценить. В данном случае оно знаменательно еще и потому, что обнаруженная рукопись представляет собой единственный сохранившийся образец работы Пушкина — редактора «Современника». Речь идет о подготовленном поэтом, но вышедшем уже после его гибели пятом томе журнала. Редакторские пометы Пушкина на рукописи Тургенева принадлежат к числу самых последних его автографов. Таким образом, мы располагаем новым документальным свидетельством, которое должно занять свое место в трагической январской хронике 1837 года.

Дневниковые записи Тургенева конца 1836 — начала 1837 года принято рассматривать как важнейший источник сведений о дуэли и смерти Пушкина. Этот аспект их содержания в исследовательском плане, по-видимому, можно считать исчерпанным.

В меньшей степени освоен другой аспект: записи свидетельствуют о непрерывном интеллектуальном общении и прямом сотрудничестве Пушкина и Тургенева. М. И. Гиллельсон попытался раскрыть содержание их «нескончаемых

¹ Щеголев П. Е. Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 253–278 (дневник 1836–1837 годов); Гиллельсон М. И. 1) По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. И. Тургенев) // Прометей. М., 1975. [Вып.] 10. С. 355–397 (статья опубл. под псевдонимом М. Максимов); 2) А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 441–504 (сер. «Литературные памятники»); Фейнберг И. Л. Парижские бумаги // Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976. С. 129–148; а также: Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М., 1981. С. 374–380.

² Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии) // Русская литература. 2021. № 1. С. 73–86 (часть 1); № 2. С. 63–77 (часть 2).

бесед» путем развернутого комментария ко всем записям, в которых упоминается имя поэта.³ Совершенно очевидно, что в них преобладает тема русской истории (главным образом, в связи с обсуждением так называемых парижских бумаг Тургенева), а также тема авторско-редакторской работы над публикацией для пятого тома «Современника». До сих пор обе темы рассматривались изолированно. В действительности к концу 1836 года их связь становится очевидной. Они органично сливаются в едином смысловом поле общих исторических интересов Пушкина и Тургенева. Непосредственным воплощением их сотрудничества, как доказывает новонайденный автограф, явилась идея принципиально новой — по замыслу и материалу — публикации для «Современника»: она раскрывала ход и содержание работы Тургенева в парижских архивах.

В 1834 году Тургенев был «Высочайше назначен для производства в иностранных государствах ученых изысканий, до российской истории относящихся, — как значится в его формулярном списке. — По таковому <...> поручению Высочайше повелено ему донесения свои и отчеты Государю Императору представлять чрез посредство Главного начальствующего над Почтовым департаментом, <...> князя Голицына и вообще по сему делу с ним состоять в прямом и исключительном сношении».⁴

На протяжении двух лет Тургенев работал в Секретном Ватиканском архиве, где обнаружил внушительный массив неизвестных документов по древней русской истории.⁵ Весной 1835 года он приехал в Париж для завершения «изысканий». Эта поездка, сверх ожидаемых, принесла неожиданные результаты: в парижских архивах Тургенев обнаружил дипломатическую переписку, мемуары и другие источники, относящиеся к XVIII веку. Ценой больших моральных издержек ему удалось благодаря ходатайствам А. Н. Голицына получить высочайшее разрешение остаться в Париже (после Июльской революции город был закрыт для русских подданных) и обследовать Архив Министерства иностранных дел, Архив Королевства Французского, Королевскую библиотеку. Таким образом, 1835 год оказался переломным в археографической деятельности Тургенева: отныне темой его собирательства стал русский XVIII век.

С давних пор бытует представление, сформулированное, по-видимому, впервые П. Е. Щеголевым, что Тургенев, «дабы формально оправдать свое пребывание за границей, выбирает занятие — подбор материалов для отечественной истории из заграничных архивов».⁶ Оно глубоко укоренилось, получив дополнительные интерпретации в работах М. И. Гиллельсона, И. Л. Фейнберга, В. С. Листова и др.⁷ Мы попытались опровергнуть этот устойчивый

³ Максимов М. [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 384–394.

⁴ ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. ст. 1234. Л. 9 об. (формулярный список от 1839 года). Далее ссылки на архив братьев Тургеневых приводятся в тексте сокращенно, без указания места хранения и номера фонда; помета «ст.» означает «по старому описанию». Под началом князя А. Н. Голицына прошла почти вся служебная карьера Тургенева (1810–1842), исключая «бессрочный» отпуск (1825–1831). Самым известным ее этапом стала служба в Министерстве духовных дел и народного просвещения в качестве директора Департамента духовных дел. Подробнее см.: Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева. Часть первая. С. 80–83.

⁵ Оpubл.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных библиотек и архивов д. ст. сов. А. И. Тургеневым. Ч. 1–2. СПб., 1841–1842. О работе Тургенева в Секретном Ватиканском архиве см.: Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть вторая. С. 64–68.

⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 255.

⁷ Так, согласно версии последнего, в 1836 году «своей целью Тургенев ставил примирение брата с царем, аудиенции у которого <...> и ждал в Петербурге. Той же цели должны были служить и парижские документы, которые А. И. Тургенев желал поднести государю» (Пушкин А. С. История Петра / Сост., подг. текста, предисловие и комм. В. С. Листова. М., 2000. С. 36).

миф, показав, что архивная работа была для Тургенева не столько «оправданием», сколько смыслом жизни за границей.⁸ По этому поводу он писал Голицыну: «Обдумывая всю жизнь, я более и более убеждаюсь, что деятельность собирателя — не смею сказать ученого — для меня единственно возможная и для других не бесполезная» (ед. хр. ст. 1076, л. 23 об.).

Тургенев провел в Париже год: с мая 1835 по май 1836 года. Каждый день несколько часов он посвящал архивной работе, отбирал и копировал наиболее ценные документы (сначала собственноручно, затем с помощью писцов). Впоследствии копии были сброшюрованы, переплетены и составили тематические тома его коллекции, о некоторых из которых пойдет речь далее.

Жуковский, Вяземский, Пушкин были хорошо осведомлены об архивной работе Тургенева и связанных с нею личных перипетиях, — в своих дружеских письмах он уделял этому вопросу довольно много места. Вскоре двери приоткрылись и для широкой читающей публики: в октябре и ноябре 1835 года в двух номерах «Московского наблюдателя» появились «Отрывки из заграничной переписки». Публикация открывалась так: «...Из кабинета чтения иду в Королевскую библиотеку, где я уже отыскал много любопытного для русского историка. Библиотекари Шамполион-Фижак, Фориель, Парис — услужливы чрезвычайно. По каталогу рукописей я требую самые рукописи и замечаю все, что надобно будет переписать для пополнения моего собрания документов в русской истории».⁹

Отныне архивный поиск, обзор наиболее интересных документов, приобретение рукописей станут и элементом сюжета, и нарративной составляющей заграничных корреспонденций Тургенева, адресованных дружескому кругу. Что касается писем-отчетов Голицыну, то они всецело будут посвящены этим темам. По воспоминаниям лиц из ближайшего окружения князя, отчеты Тургенева читались в Почтовом департаменте с огромным интересом — быть может, не меньшим, чем его дружеские послания на субботах у Жуковского. Тургенев понимал, что адресуется к замечательному знатоку русской старины, «Вальтеру Скотту наших салонов», как сам он именовал своего патрона.

«Архивной» тематике знаменитых писем-корреспонденций до сих пор специально не уделялось внимания. Они интересовали исследователей (равно как и современников-читателей) другими своими гранями, которые так выразительно охарактеризовал К. М. Азадовский в статье «Старые европейские комеражи»: «Александр Тургенев, сын России, политическую отсталость которой он всегда сознавал, воспринимал перемены во французской жизни (периода Июльской монархии. — Н. Х.), так сказать, сопоставительно — в сравнении с порядками собственной страны. Его живо интересуют дебаты в парламенте и камере пэров, судебное производство, полицейское устройство, попытки обновления французской церкви, одним словом, — современная история. Будучи сам историком, Тургенев чувствовал „пульс эпохи“ и умел передать его в своих письмах. Читая о споре легитимистов с орлеанистами, о столкновении политических мнений, о смене одного кабинета другим, о противоборстве Гизо и Тьера, о духовных проповедниках, выступающих против римской церкви, о книге Токвиля „Демократия в Америке“ или полемике вокруг последней поэмы Ламартина, русский читатель невольно

⁸ См.: Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть вторая. С. 66.

⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 54. Сведения Гиллельсона об источниках публикаций в «Московском наблюдателе» можно дополнить. В ноябрьском номере были опубликованы, в частности, выдержки из письма Тургенева Вяземскому от 29 (17) сентября 1835 года (ед. хр. ст. 2469).

приобщался к исканиям современной Франции и проникался новыми веяниями, столь чуждыми духу русского самодержавия».¹⁰

Однако корреспонденции Тургенева были не только хроникой экономической, политической, религиозной, культурной жизни Европы, и прежде всего Франции. Они были еще и в полном смысле хроникой его архивной работы. Именно в этом качестве они и будут более всего нас интересовать.

Сотрудничество с «Московским наблюдателем» длилось недолго (на протяжении 1835 года) и завершилось, как только Тургенев в январе 1836 года узнал из письма Вяземского, что «Пушкину дано разрешение выдавать журнал, род „Quarterly Review“».¹¹ Это одновременно его обрадовало и огорчило: «...всего более парализован я известием газетным, что Пушкин будет издавать Review, а не журнал. Я собирался быть его деятельным и верным сотрудником и сообщать животрепещущие новинки из области литературы и всеобщей политики; но какой интерес могут иметь мои энциклопедические письма чрез три или четыре месяца? Вся жизнь их эфемерная, и они не выдержат *квартального* срока. Для Review нужны статьи, а не письма».¹²

Тем не менее замысел Пушкина состоял в том, чтобы из номера в номер, последовательно печатать корреспонденции Тургенева в их хронологическом порядке. В таком случае они смогли бы сохранить свою новостную актуальность, отраженную в самом названии — емкой пушкинской формуле «Хроника русского».¹³

История участия Тургенева в пушкинском «Современнике» изучена с большой степенью подробности. Основополагающим является издание «Хроники русского», подготовленное Гиллельсоном в серии «Литературные памятники». В обширной статье «А. И. Тургенев и его литературное наследство» он исследовал все эпизоды, касающиеся подготовки тургеневских писем к публикации: начало сотрудничества и связанную с ним переписку, настойчивые попытки Пушкина оградить текст «Хроники русского», подготовленный для I тома, от цензурных изъятий; конфликт Тургенева с редакцией журнала после выхода этого тома в свет и постепенное его разрешение благодаря публикации редакционного объяснения, помещенного по требованию Тургенева во II томе; обстоятельства, связанные с изданием IV тома, где «Хроника русского» соседствовала с «Капитанской дочкой» Пушкина.¹⁴ Недостаточно проясненной оставалась лишь история публикации в V томе, подготовленном, повторим, Пушкиным, но вышедшем уже после его гибели. Основная причина кроется в том, что источник текста этой «Хроники» до сих пор не был известен.

¹⁰ Азадовский К. Старые европейские комеражи (Несостоявшаяся «Хроника» А. И. Тургенева) // Звезда. 1999. № 6. С. 94.

¹¹ Остафьевский архив. Т. 3. С. 286.

¹² Тургенев А. И. Хроника русского. С. 88. По недосмотру ли редакции или в силу иных причин этот явно «закулисный» пассаж из обширного письма-дневника Тургенева под датой 18 (30) марта вошел в «Хронику русского», увидевшую свет в конце декабря 1836 года в IV томе журнала.

¹³ Это название сохранилось за всеми последующими публикациями Тургенева в «Современнике», вкладчиком которого он оставался до конца жизни.

¹⁴ Гиллельсон проанализировал также жанровую природу «Хроники русского», установив, что она восходит одновременно к жанру дружеского письма и к жанру литературы путешествий. Он рассматривал «Хронику русского» как макротекст, который не исчерпывается журнальными публикациями. Собрав последние в единый том, он признавал, что это «первоначальная работа по восстановлению <...> литературного памятника в том виде, в каком он представлялся их автору» (Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 461). За ее рамками, утверждал исследователь, — огромный массив неопубликованных писем, «написанных как куски „Хроники русского“» (Там же); они должны составить единое целое с опубликованным материалом. На наш взгляд, идея подобной реконструкции имеет несомненный научный интерес, но едва ли осуществима практически.

Гиллельсону удалось выявить источники текста двух предшествующих публикаций; более того, в примечаниях он привел фрагменты, выпущенные по цензурным соображениям. Согласно его разысканиям, в I томе «Современника» было опубликовано письмо Тургенева Жуковскому и Вяземскому (ед. хр. ст. 1217); в IV — письмо Вяземскому (ед. хр. ст. 2454). Кроме того, для II тома, как убедительно показал Азадовский в цитированной выше статье, была подготовлена и даже набрана «Хроника», от печатания которой отказались в последний момент (письмо Тургенева Вяземскому от 5 марта (22 февраля) 1836 года (ед. хр. ст. 1217)).¹⁵

Необходимый ритм публикации «Хроники» редакция «Современника» не смогла выдержать (прежде всего из-за конфликта в связи с I томом). К концу 1836 года временной разрыв между событиями, хроникером которых был Тургенев, и датами журнальных публикаций оказался критическим. К IV тому он составлял даже не 3–4, как предполагал Тургенев, а 8 месяцев. «Хроника русского» утрачивала свою жанровую специфику, переставала быть хроникой. Требовался иной жанр. Он будет найден Пушкиным в V томе.

Высочайше дозволенный Тургеневу срок пребывания в Париже истекал весной 1836 года. «Проживу здесь еще недели с три или с четыре, — писал он Вяземскому 21 марта, — ибо необходимо кончить переписку в архиве королевского бумага весьма интересных и привести все в порядок с помощью одного ученого бедного немца, который делает теперь реестры моим приобретениям в Париже и пересматривает списки. <...> меня уже позывает вдаль, но в даль родную: хочется опять подышать родным воздухом и попастьись на степях Заволжских. Между ними и Парижем — Дрезден, Веймар, Берлин, Лейпциг и — Москва! А в ней ожидает меня новый исторический труд: сравнение копий здешних актов с теми, кои, надеюсь, позволят пересмотреть в Московском архиве».¹⁶

Тургенев выехал из Парижа в середине июня 1836 года. В Веймаре он был 21 июня и записал в своем дневнике впечатления от посещения «Тифурта и городского дома Гете в Веймаре с канцлером Мюллером, другом и многолетним его собеседником, и с Крейтером, секретарем и хранителем бумаг и книг Гете».¹⁷ Тогда же он собственноручно снял копию с письма Вальтера Скотта к Гете. Всем этим материалам вскоре суждено будет увидеть свет в V томе «Современника».¹⁸

2 июля 1836 года Тургенев приехал в Москву с огромным багажом добытых в парижских архивах исторических материалов и многочисленными книжными приобретениями. Осенью после поездки в «Заволжские степи», в свое имение Тургенево, он, как видно из писем Вяземскому, вплотную занялся «бумажными и книжными хлопотами». Следовало привести в порядок архивные выписки — предстоял отчет императору о результатах трехлетней археографической работы.

В это же время, желая отдать долг памяти Карамзина (в 1836 году исполнилось 10 лет со времени его кончины), Тургенев начал готовить публикацию «святая святых» своего рукописного собрания — адресованных ему писем историографа. Для пушкинского круга, в котором написание биографии

¹⁵ Азадовский К. Старые европейские комеражи. С. 102–125.

¹⁶ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 83–84. Отъезд из Парижа Тургенев вынужден был ускорить ввиду неприятностей, грозивших ему после публикации «Хроники русского» в первом томе «Современника».

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ После смерти Гете паломничество в Веймар (предыдущее Тургенев совершил в 1827 и 1829 годах) имело особое мемориальное и ритуальное значение; упомянутое печатное сообщение о нем может быть рассмотрено в русле многочисленных откликов на смерть Гете, появившихся в русской литературе.

Карамзина ощущалось как нравственный долг, это было делом исключительной важности. История публикации, не осуществившейся по цензурным причинам, хорошо известна.¹⁹

По просьбе Вяземского, задумавшего альманах «Старина и новизна», в ноябре 1836 года Тургенев выполнял роль, так сказать, его московского литературного агента — собирал «дань» с московских литераторов. При этом и сам внес свою лепту — послал упоминавшееся выше письмо В. Скотта к Гете с обещанием в Петербурге составить к нему «предисловьице».²⁰ Альманах не состоялся; письмо, как мы уже знаем, появилось в пятом томе «Современника».²¹

Все эти заботы, а главное — светская жизнь, которой Тургенев предавался с упоением, отсрочивали его поездку в Петербург, о цели которой он сообщал Жуковскому следующее: «Другое дело,²² по коему я должен приехать в П<етер>бург: мои рукописи. Здесь некому ими заняться, а мне самому невозможно. В П<етер>бурге же у меня есть верные и грамотные друзья: Сербинович и Федоров (Бор. Мих.). Спроси их: могу ли я на них надеяться? Дела немного и дело весьма интересное, но нужно заняться немедленно по моему приезду. Я бы желал представить отчет в собранных мною бумагах, коим сделаны уже полные реэстры,²³ а для этого отчета нужно полное обозрение сих бумаг. Готовы ли они на это дело?» (ед. хр. ст. 4714в, л. 28а об. — 29).²⁴

Тургенев приехал в Петербург 25 ноября 1836 года и поселился в трактире Демута, в близком соседстве с Пушкиным. Первый визит он нанес Голицыну: «...просидел более часу с князем А. Н., все для меня прежним и, есть ли можно, более, ибо с летами он добротою не слабеет», — писал Тургенев А. Я. Булгакову.²⁵

На основании дневника, писем Н. И. Тургеневу и А. Я. Булгакову можно едва ли не по часам восстановить картину его петербургской жизни. Четыре месяца, проведенных в столице (Тургенев выехал в Москву в 20-х числах марта 1837 года), — это вихрь событий, чередующихся, как в калейдоскопе. «Балы за балами», приемы, вечеринки, обеды, легкие увлечения; заботы о брате и устройство имущественных дел; подготовка к докладу и общение с Пушкиным; консультации у академика И. Круга в связи с находкой Реймского евангелия, памятника древней славянской письменности; дуэль и смерть Пушкина, похороны его в Святогорском монастыре; отчет императору; вновь стихия светской жизни — масленица, которая была для Тургенева «весела и не холодна».²⁶

¹⁹ В. И. Саитов, опираясь на цензурное дело, обстоятельно изложил ее в предисловии к публикации: Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826) / Публ. В. И. Саитова // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1–3; Т. 98. № 4.

²⁰ Остафьевский архив. Т. 3. С. 362 (письмо от 16 ноября 1836 года).

²¹ Вопрос о месте публикации «веймарских» материалов решился в последний момент, перед тем, как пятый том был отправлен в печать. 16 апреля 1837 года Тургенев еще спрашивал Вяземского: «Издаешь ли свой альманах? Где будет письмо из Веймара?» (Остафьевский архив. Т. 4. С. 6).

²² Выше речь в письме идет об имущественно-финансовых делах братьев Тургеневых.

²³ См. цитированное выше письмо Тургенева Вяземскому от 21 марта 1836 года.

²⁴ К. С. Сербинович (1796–1874) и Б. М. Федоров (1798–1875) в молодости принадлежали к кружку помощников Карамзина в его работе над «Историей государства Российского». По его рекомендации оба (первый в 1820 году, а второй в 1818-м) поступили на службу в Департамент духовных дел, директором которого был Тургенев. После отъезда последнего за границу они неизменно выполняли его поручения; были ему глубоко лично преданы.

²⁵ Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подг. текста, вступ. статья и комм. А. А. Сабурова. М., 1939. С. 195.

²⁶ Там же. С. 212.

Как светский человек он, разумеется, остро переживал свое тягостно-неловкое положение в высшем обществе. Бросая резкие инвективы в адрес «убийц» своих братьев²⁷ (известно, например, о его непримиримо враждебном отношении к Д. Н. Блудову), он в то же время был озабочен тем, чтобы вернуть благорасположение императора.²⁸

Жизнелюбец, неутомимый летописец светской жизни и непременный ее участник, друг Пушкина, а более всего — преданно любящий брат, Тургенев предстает в своих письмах и дневнике то легкомысленным, то пронизательным, то суетливым, то глубоко сосредоточенным. Этот живой и многогранный образ решительно не соответствует тому единственному амплуа, в котором в советское время можно было выводить его на сцену, — как «брата декабриста», убежденного оппозиционера. Не преодолев «умственные плотины» советской цензуры, исследователи вынуждены были подходить к источникам избирательно. Так, письма Тургенева брату, опубликованные А. А. Фоминым в 1908 году и досконально изученные как документ, относящийся к дуэли и смерти Пушкина, в другой своей ипостаси были просто проигнорированы.²⁹

В них говорится о докладе как главной цели поездки в Петербург, о ходе его подготовки, который был неожиданно прерван трагическими событиями января 1837 года, о царских милостях, последовавших вслед за докладом. С нескрываемым восхищением писал Тургенев о монаршем приветствии и крепком рукопожатии ввиду всего большого света на балу у французского посланника Баранта, где незадолго до того, как записано в дневнике, «от меня многие отворачивались, но и я от многих» (*Дневник*, с. 268).

Именно в процессе подготовки к докладу — по ходу разбора исторических актов и составления их «полного обозрения» — Тургенев и познакомил Пушкина со своими «сокровищами». Предстояло отчитаться о работе в Секретном Ватиканском архиве и архивах Парижа. К ватиканским латинским актам Тургенев решил составить аннотированную опись, а к «парижским бумагам» — «обозрение». Помимо соображений этикета, в этом, несомненно, был определенный расчет. В «обозрении» он мог раскрыть содержание документов, показать их историческое значение, заинтересовать Николая I (как известно, большого знатока эпохи Петра I) и тем самым добиться разрешения продолжить работу в Париже, что ему блестяще и удалось.

Тургенев должен был представить и копии самих документов. В его парижских и московских письмах 1836–1837 годов Вяземскому, Булгакову, а в петербургский период — в письмах к брату нередко просьбы о пересылке и хранении «бумаг». То ли ему не удалось привезти с собой в Россию все снятые копии, то ли работа после его отъезда из Парижа была продолжена писцами, но так или иначе он получал необходимые для отчета документы до конца января 1837 года. Например, 7 января он писал Булгакову: «...на твое имя будет пакет из Парижа с продолжением копий бумаг моих».³⁰

Так какими же именно документами располагал Тургенев в интересующий нас период? До сих пор этот вопрос ставился исключительно в пушкиноведческой литературе. Исследователь «незавершенных работ» Пушкина

²⁷ Щеголев П. Е. Из дневника А. И. Тургенева. С. 258. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Дневник*, с указанием номера страницы.

²⁸ На этот раз по приезде в Россию впервые ему довелось встретиться с Николаем I в Симбирске, о чем он писал А. Я. Булгакову 25 августа: «Я очень доволен словами при приеме. Они подают мне добрую надежду и для будущего» (Письма А. Тургенева Булгаковым. С. 191).

²⁹ Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина (Из Тургеневского Архива) // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 46–97.

³⁰ Письма А. И. Тургенева Булгаковым. С. 202.

И. Л. Фейнберг попытался выяснить, «какие именно относящиеся к Петровской эпохе исторические материалы привез и показал Пушкину <...> А. И. Тургенев»,³¹ и дал обстоятельный ответ, исходя из документа, который ему удалось обнаружить в архиве братьев Тургеневых. Это был обзор материалов, извлеченных Тургеневым из Архива Министерства иностранных дел Франции и из «разных архивов» (ед. хр. ст. 1135). Фейнберг не знал, что найденная им рукопись представляет собой только фрагмент (впрочем, наиболее важный) того самого «полного обозрения бумаг», которое Тургенев поручил составить К. С. Сербиновичу.

Нам посчастливилось обнаружить первоначальную редакцию этого документа, озаглавленную «Черновые записки, приготовленные для Всеподданнейшего доклада к 14 февралю 1837 г.» (ед. хр. ст. 1062). Рукопись — автограф Сербиновича с многочисленными исправлениями и вставками Тургенева — состоит из двух частей: «Франция» (л. 8—27 об.) и «Выписки из Ватиканской библиотеки в Риме» (л. 28—39). В первой имеются обзоры материалов из Архива Министерства иностранных дел, Архива Королевства Французского (Национального архива), Королевской библиотеки (Национальной библиотеки),³² а также из «разных архивов».

Один из эпизодов составления этого документа хорошо известен. 25 января 1837 года Тургенев записал в дневнике: «...возвратился домой, где нашел записку из дел Сербиновича» (*Дневник*, с. 271); на следующий день: «...успел только прочесть Пушкину выписку из парижских бумаг Серб<иновича>, кот<орый> был у меня и унес их» (*Дневник*, с. 271). Стремление раскрыть эти невнятные, а потому неверно комментируемые в пушкиноведческой литературе записи и стало отправным моментом исследования Фейнберга.³³

В обоих случаях имеется в виду «обозрение». Тургенев прочитал Пушкину «выписку из парижских бумаг Серб<иновича>», т. е. какую-то готовую к тому времени часть «обозрения» (возможно, первую, посвященную Архиву Министерства иностранных дел), после чего Сербинович «унес их» («парижские бумаги») для продолжения своей работы. Таким образом, слово «выписка» означает «документ», а «выписки» — это, собственно, и есть «парижские» (или «французские») бумаги: «Я зашел к Пушкину <...>. Потом он был у меня, и мы рассматривали франц<узские> бумаги и заболтались до 4-х час.» (*Дневник*, с. 266; запись от 9 января 1837 года).

«Собрание выписок из Архива Министерства иностранных дел, — общалось в предисловии к «обозрению», — объемлет собой время с 1660 по 1742 год. <...> Оно состоит большею частью из депешей французских аккредитованных при Российском дворе особ...» (ед. хр. ст. 1062, л. 8).³⁴ Серб-

³¹ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги // Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. С. 139.

³² Отсюда Тургенев почерпнул «разные акты, большею частью XVI и XVII столетий» (ед. хр. ст. 1062, л. 22).

³³ В качестве примера приведем начало комментария Гиллельсона к записи «...успел только прочесть Пушкину выписку...»: «Выписки содержали донесения французских послов...» (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 81; курсив мой. — Н. Х.). Комментарий С. Л. Абрамович также некорректен (*Абрамович С. Предыстория последней выписки Пушкина*. СПб., 1994. С. 277). В издании «Пушкин в воспоминаниях современников» запись от 26 января приведена в следующей редакции: «...успел только прочесть Пушкину *выписки* из парижских бумаг» (Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 199; курсив мой. — Н. Х.). Сверка с автографом показала, что в слове «выписку» («успел прочесть выписку») окончание написано неотчетливо, хотя вполне угадывается по аналогии с соседним словом «Пушкину», где «у» написано отчетливо (ед. хр. ст. 316, л. 71).

³⁴ Речь, по всей видимости, идет о документах так называемого фонда «Политическая переписка». Он содержит, в частности, дипломатическую переписку Франции с Россией («фолианты дипломатических сношений», как писал Тургенев) начиная с 1660 года — даты прибытия

нович изложил содержание этих документов очень кратко, а сам материал выстроил хронологически. Вот, например, обзор содержания депеш посла Франции в России в 1721–1726 годах Жака де Кампредона: «1725. Обстоятельства смерти Петра I. — Различные намерения вельмож. — Провозглашение Екатерины I Императрицею. — Конференции о заключении с Францией трактата. — Сведения о происхождении Екатерины. — Записка о состоянии России, выгодах ее положения, пользах и средствах» (ед. хр. ст. 1062, л. 9).

Очевидно, что для решения поставленной задачи подобного описания Фейнбергу было недостаточно, поэтому он привлек еще один источник, о котором сообщал следующее: «„Выписки из парижских бумаг“, кратким обзором которых является <...> рукописная записка (Сербиновича. — Н. Х.), легли в основу напечатанного еще при жизни Александра Ивановича подробного „Обозрения известий о России в век Петра Великого...“ и „Обозрения современных известий о замечательнейших лицах в царствование Петра I и Екатерины I...“».³⁵ Они были составлены Б. М. Федоровым, а вышли в свет стараниями Сербиновича, редактора «Журнала Министерства народного просвещения».³⁶

Благодаря двум обзорениям — «краткому рукописному» (Сербиновича) и «подробному печатному» (Федорова) Фейнберг выявил корпус документов, из которых Тургеневым были сделаны выписки. С самими текстами этих документов он ознакомился по позднейшим публикациям в «Сборниках Русского исторического общества».³⁷

Опираясь на все перечисленные источники, исследователь вполне аргументированно показал, с какими выписками «прежде всего» Тургенев должен был познакомить Пушкина. Это, по его мнению, донесения Кампредона, «достоверно и ярко рисующие смерть Петра и исторические обстоятельства, ее сопровождавшие...»;³⁸ французского консула Ла-Ви о деле царевича Алексея; «Записка» датского посла Вестфалена, содержащая жизнеописание гр. П. А. Толстого, знаменитого дипломата, сподвижника Петра I.

Фейнберг решил поставленную задачу: выражение «парижские бумаги» перестало быть фигурой речи, наполнилось конкретным содержанием. Однако сами выписки были известны исследователю только по описаниям. Сохранились ли тургеневские «сокровища», которые видел Пушкин?

«Парижские бумаги» — та их наиболее важная часть, которая содержит выписки из Архива Министерства иностранных дел Франции, — сохранились! Ныне они составляют три тома in folio в 23-томной коллекции Тургенева, о которой нам уже приходилось упоминать (ед. хр. ст. 2009–2011). Это единый комплекс, в котором первый том (ед. хр. ст. 2009) имеет характер

в Москву первого французского посла Пикетье. Другой фонд Архива Министерства иностранных дел — «Записки и документы» Тургенову, очевидно, был неизвестен. Подробнее см.: *Георгиев В. А.* Материалы по русской истории в Архиве министерства иностранных дел Франции // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 182–189.

³⁵ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 141.

³⁶ Б. Ф. [Федоров Б. М.]. 1) Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлеченных А. И. Тургеновым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. 37. С. 1–24, 145–183; 2) Обзорение известий о России в царствование Екатерины I... // Там же. 1844. Ч. 41. С. 17–38; 3) Обзорение современных известий о замечательнейших лицах в царствование Петра I и Екатерины I... // Там же. С. 85–129.

³⁷ Фейнберг не отметил, что данные публикации не имели отношения к изысканиям Тургенева, о которых вскоре было забыто («Обзоры» Федорова оказались единственными их печатными презентациями). Речь идет о проекте Русского исторического общества, одобренном в 1871 году и реализовавшемся в виде публикаций документов из Архива Министерства иностранных дел Франции начиная с 1681 года (Сборники Русского исторического общества. Т. 34, 40, 49, 52, 58).

³⁸ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 141.

аналитического, а два другие служат приложением. Работу в парижских архивах Тургенев вел не только в 1835–1836, но и в 1837–1839 годах. Следовательно, важно установить, что обнаруженные выписки сделаны им при жизни Пушкина.

На заглавном листе первого тома имеется запись рукой Тургенева: «Выписки из архива иностранных дел, начатые 1835, июня 20 в Париже» (ед. хр. ст. 2009, л. 3), а на последнем — помета: «Конец 43 фолианту и первым 4^м месяцам 1742 г.» (ед. хр. ст. 2009, л. 237 об.). Поскольку из «обозрения» Сербиновича известны хронологические рамки выписок (1660–1742), можно с полной уверенностью датировать данный том 1835–1836 годами.³⁹

В письмах Тургенева встречаются упоминания о ходе и методике работы. Так, 3 сентября 1835 года он сообщал: «Вчера начал я рассмотрение 19-го фолианта, до восшествия на престол императрицы Екатерины I простирающегося. Я не успеваю даже всего прочитывать, а только отмечаю те инструкции, депеши и документы, кои по первому обозрению <...> должны быть переписаны. Я вношу в мой журнал только главное содержание и эпоху каждого фолианта».⁴⁰ Спустя полгода, 18 февраля 1836 года, в связи с завершением работы он писал: «Я разбираю теперь собранные мною в двух архивах сокровища и привожу их в порядок: бумаги иностранного архива по хронологическому порядку, а другие по материям. <...> Существенный труд будет состоять в переписке и в приведении в порядок моих собственноручных отметок, ибо часто я отмечал наскоро, по-русски и по-французски, смотря по удобности; но всегда с педантическою точностию».⁴¹

Выявить все необходимое в «более чем сотне» фолиантов⁴² — исследовательская задача, с которой мог справиться только сам Тургенев. Первый том обнаруженного нами комплекса (ед. хр. ст. 2009) — это и есть, по его выражению, «мой журнал», куда он с «педантическою точностию» собственноручно вносил следующие сведения: архивный номер «фолианта», его название (если оно имелось), хронологические рамки и количество «рiёсе» (документов), в нем содержащихся. Далее в порядке номеров следует перечень документов, излагается их содержание, приводятся собственные оценки и суждения. Например, о 13-м томе, состоящем из депеш Кампредона 1722 года, Тургенев писал: «Бегло просмотрел сей 13^й фолиант и убедился в том только, что депеши Кампредона и предписания Dubois, кардинала и министра иностранных дел Франции, содержат почти всю политику нашу, как на Западе, так и на Востоке и много любопытного о внутренних преобразованиях и об управлении Петра I. Так, как и о лицах, коих он употреблял. Казни, пытки, суд уголовный — все тут. Великое и ужасное с мелким и с весельем — впрочем, вынужденным властью Петра» (ед. хр. ст. 2009, л. 31 об.).

Особое внимание уделил Тургенев эпохе Елизаветы Петровны. Материалы, относящиеся к первым двум годам ее царствования (1741–1742), составляли пять архивных томов. Изложение их содержания занимает значительную часть «журнала» Тургенева (ед. хр. ст. 2009, л. 89 об. — 237). Здесь преобладают копии документов, преимущественно депеш французского посланника в 1739–1742 годах маркиза И.-Ж.-Т. де ла Шетарди.

³⁹ В обнаруженном Фейнбергом письме П. И. Кривцову Тургенев сообщал: «...в Архиве Мин<истерства> ин<остранных> дел <...> я списал почти все, относящееся до России <...> начиная с первых сношений наших с Францией прежде Петра I — до первых двух годов царствования им<ператрицы> Ел<изаветы> Петр<овны> включительно» (Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 130).

⁴⁰ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 106.

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² Там же. С. 104.

С осени 1835 года работа по копированию была возложена на писцов. По указаниям Тургенева из тех же архивных волюмов, документы которых кратко охарактеризованы в его «журнале», они делали полнотекстовые копии, составившие два тома, которые выше мы охарактеризовали как приложения (ед. хр. ст. 2010 и 2011). Первый из них, как сообщается в самом начале, «почти полностью заполнен депешами Кампредона и Маньяна» (ед. хр. ст. 2010, л. 4).⁴³ Следующий открывается предупреждением: «Первая часть этого тома содержит корреспонденции Маньяна. Вторая заключает многочисленные документы по истории России, о ее управлении, финансах, торговле и т. д. Том заканчивается корреспонденциями Шетарди, который сыграл важную роль в событиях, последовавших за кончиной императрицы Анны» (ед. хр. ст. 2011, л. 1 об.; оригинал по-французски).⁴⁴ Укажем лишь некоторые из сочинений о России: «Relation de La Moscovie écrite en l'année 1731» герцога Лирия, испанского посла в Петербурге (ед. хр. ст. 2011, л. 110–160); неуставленных автографов — «Réflexions sur les affaires présentes» 1735 года (л. 170 об. — 177 об.); «Détail de la Cour de Russie en 1737» (л. 178–179 об.).⁴⁵

Завершая рассказ о «парижских бумагах», кратко охарактеризуем выписки Тургенева из Национального архива (переименованного в период Реставрации в Королевский). О них известно из «обозрения» Сербиновича, а также из довольно подробного описания, содержащегося в письме Тургенева Вяземскому от 5 марта (22 февраля) 1836 года.⁴⁶

В «обозрении» материал представлен двумя рубриками: «Из времени Петра Великого» и «Из времени императрицы Екатерины Второй». В первой проаннотированы две записки периода Северной войны (о внешнеполитическом и внутривнутриполитическом положении России), датированные соответственно 1700–1710 и 1710 годами. Записка 1710 года «о деяниях Русского царя и о выгоде иметь с ним сношение, <...> о доходах его; о промыслах в его владениях, монете, податях, торговле и народных обычаях» (ед. хр. ст. № 1062, л. 20) принадлежит, возможно, Ж.-К. Балюзу, посланнику в России в 1686–1704 и 1710–1712 годах, который одним из первых высказался за тесный союз Франции с Россией.

Следующая группа документов освещает внешнюю политику Петра I на юге. Это выписки из дипломатической корреспонденции 1719–1724 годов французского посольства в Константинополе, которое «служило посредником

⁴³ Маньян Габриель Мишель (1702–1765) — французский посланник в 1726–1733 годах. Преемник Жака де Кампредона; ранее — его секретарь.

⁴⁴ Полагают, что этими копиями воспользовался П. П. Пекарский (Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге / Изд. с прим. и доп. П. Пекарский. СПб., 1862).

⁴⁵ Конкретизируя суждение Фейнберга об источниках «Обозрений» Федорова, отметим, что они представляют собой компиляции на основе всех проанализированных нами материалов, извлеченных Тургеневым из Архива Министерства иностранных дел, а также из его публикации в пятом томе «Современника» и предисловия к изданию ватиканских актов («Акты исторические, относящиеся к России...»).

⁴⁶ «Кончив мои занятия в Иностранном архиве, — я обратился к Архиву Королевскому (Archives du Royaume), где <...> нашел <...> несколько связок с бумагами, до русской и польской истории относящимися, и все материалы, служившие Рюльеру для составления его „Истории“ и самую рукопись его в оригинале. Всего любопытней <...> записки <...> Броглио <...> о разных европейских государствах в политическом отношении оных к Франции. <...> Есть и бумаги Петра I, Остермана, Толстого и письма гр<афа> Головкина...» (*Азадовский К.* Старые европейские комеражы. С. 104–105). В комментариях исследователь сообщает о поэте и историке К.-К. де Рюльере и его сочинениях. Сведения о том, что «в тургеневском архиве находится „собрание дипломатических документов, принадлежавших Рюльеру“ (ИРЛИ. Ф. 309. № 2016–2018)», неверны. Под этими шифрами хранится приобретенный Тургеневым архив секретаря французского посольства в России в 1780-х годах Антуана-Бернара Кальяра (Caillard).

между Россией и Турцией» (ед. хр. ст. № 1062, л. 20 об.). «Собрание сих выписок заключает в себе более 200 пиес» (там же). Среди них: документы, относящиеся к Константинопольскому «Вечному миру», заключенному российским полномочным послом Алексеем Дашковым и турецким верховным визирем Ибрагим-Пашою 5 (16) ноября 1720 года, а также Константинопольский договор 1724 года о разграничении российских и турецких владений на Кавказе и в Прикаспии, подписанный со стороны России И. И. Неплюевым при посредничестве французского посла в Константинополе маркиза Ж. Л. д'Юссона де Боннака. Упомянуто, что «в числе сих бумаг есть и письмо Петра Великого к Маркизу де Боннаку» (ед. хр. ст. № 1062, л. 21).

В рубрике «Из времени императрицы Екатерины Второй» Сербиновичем поименованы следующие документы: «Записка 20 июня 1767 г. относительно изгнания иезуитов из Испании. Подробная записка 1772 г. о мире на Севере, о разделении Польши и о следствиях, какие сие событие может и должно иметь на политическую систему во Франции» (там же). Далее следует подробный разбор «полной копии» сочинения Шарля-Франсуа, графа де Брой (Тургенев именует его Броглио), дипломата, главы «секретного кабинета» Людовика XV под названием «*Conjectures raisonnées...*».⁴⁷

Таковы — в самом сжатом изложении — сведения о выписках, сделанных Тургеневым в Национальном архиве.⁴⁸ Их местонахождение остается неизвестным.

Непосредственное знакомство с «парижскими бумагами» в полной мере подтверждает правоту давнего суждения о том, что на Пушкина они должны были произвести огромное впечатление. Это знакомство дает самый убедительный, достоверный, а главное, предметный ответ на вопрос, что так сблизило Пушкина с Тургеневым в последние месяцы жизни. В «парижских бумагах» он обнаружил «деяния Петра Великого», историю XVIII века, увиденные глазами иностранцев и запечатленные с гораздо большей беспристрастностью и объективностью, чем в отечественных источниках.

Сам факт встречи Пушкина и Тургенева — крупнейших знатоков русского XVIII века — представляется знаменательным событием в летописях отечественной исторической науки. Пушкину — историографу Петра I были открыты российские архивы, Тургеневу — европейские.⁴⁹ При этом Пушкин (благодаря, в частности, занятиям в библиотеке Вольтера) был хорошо осведомлен и относительно европейских источников. Так разными путями они осваивали единый корпус исторических и мемуарных документов.

Смысл встречи, ее интеллектуальная энергия состояли в обмене сведениями, во взаимном обогащении. Притяжение, возникшее между ними, объ-

⁴⁷ Его полное название: «Толковые предположения о нынешнем положении Франции в политической системе Европы и взаимнообразно о положении Европы относительно Франции и, наконец, о новых комбинациях, кои должны или могут произойти от этих различных взаимоотношений, а также в политической системе Европы» (написано в 1773 году). Подробно об авторе и указанном сочинении см.: *Пименова Л. А.* Людовик XVI, его министры и дипломаты о «политической системе Европы» после Семилетней войны // Исторические исследования. Журнал исторического факультета Московского государственного университета. 2020. № 15. С. 79–90.

⁴⁸ По-видимому, они могут быть конкретизированы с помощью справочников М. Лессюра и А. Мезен: *Lessure M.* L'Histoire de Russie aux Archives Nationales. Paris, 1970; *Mezin A.* Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792. Paris, 2009.

⁴⁹ Важно отметить, что «высочайшие поручения» они получили приблизительно в одно время. Напомним, что Пушкин был назначен историографом в 1831 году; на Тургенева монаршее «поручение» было возложено в 1834 году.

ясняется еще и тем, что как историки они принадлежали к разным типам. «Талант Пушкина-историка, — писал В. С. Листов, — находился скорее в сфере острого „соображения понятий“, чем в области скрупулезного собирания фактов». ⁵⁰ Напротив, стихией Тургенева было именно «собираательство», в чем, как мы помним, он сам признавался.

Фейнберг очень тонко заметил, что «парижские бумаги» «представляли, бесспорно, для Пушкина не только научный, но и художественный интерес; <...> устные рассказы Тургенева, с ними связанные, чрезвычайно интересовали его». ⁵¹ Исторический материал, как известно, был пищей для Пушкина-художника.

О том, что для Пушкина-историка Тургенев оказался самым осведомленным и желанным собеседником, писал еще Щеголев, отмечая: «...чем острее становился надрыв в семейных и общественных отношениях, тем глубже уходил Пушкин в эти дни в исторические занятия. Здесь он искал забвения». ⁵² Но ни Щеголев, ни исследователи более позднего времени не были достаточно осведомлены о Тургеневе-историке, чтобы вполне оценить его хрестоматийно известные поминальные слова о Пушкине: «Последнее время мы часто видались с ним и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные.

Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие; но потеря, конечно, незаменимая. Никто так хорошо не судил Русскую новейшую историю: он созрел для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря!» ⁵³

Эта характеристика имеет совершенно особое качество: она принадлежит не просто близкому Пушкину человеку, но авторитетнейшему знатоку русской истории XVIII века.

Результаты работы Тургенева, одного из первых русских исследователей парижских архивов, Пушкин воспринял не только как историк, но и как журналист. О его находках — событиях большого культурного значения — должны были узнать читатели «Современника». Тема подготовки материалов для пушкинского журнала в дневниковых записях Тургенева декабря 1836 года и особенно января 1837 года занимает заметное место. Еще во время работы в парижских архивах у него стала вызревать новая идея, которую он изложил в уже цитированном письме Вяземскому от 5 марта (22 февраля) 1836 года: «Есть ли бы Пушкина журнал издавался в Москве или есть ли бы я жил в П<етер>б<урге> с бумагами московскими и парижскими, то можно бы посвятить в журнале особое отделение — одной истории и другим политическим (старым), историч<ески>м и литературным редкостям, мне принадлежащим. По литературе также много любопытного; напр<имер>, письма Бонштеттена к М-me Stahl; письма Боннета о Мюллере, самого И. Мюллера и всякая всячина литературы 18<-го> столетия, нигде не напечатанная». ⁵⁴

Обратимся к дневнику Тургенева. 21 декабря он записал: «Пушкину обещал о Шотландии» (*Дневник*, с. 262); 9 января: «Дал Пушкину мои письма,

⁵⁰ Пушкин А. С. История Петра. С. 30.

⁵¹ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 145.

⁵² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 254.

⁵³ Из письма Тургенева И. С. Аржевитинову от 30 января 1837 г. // Русский архив. 1903. Кн. 1. № 1. С. 143.

⁵⁴ Азадовский К. Старые европейские комеражи. С. 105.

переписку Бонштеттена с m-me Stahl, его мелкие сочинения; выписки из моего журнала о Шотландии и Веймаре» (*Дневник*, с. 266).

Реконструкции содержания несохранившегося «Журнала о Шотландии» Гиллельсон посвятил отдельную статью, установив, что он заключал в себе описание поездки Тургенева из Лондона в Абботсфорд летом 1828 года.⁵⁵ Публикация материалов Ш.-В. Бонштеттена, швейцарского писателя и философа, умершего в 1832 году, могла быть посвящена его памяти. Тургенев познакомился с Бонштеттеном в 1827 году, но особенно сблизился в 1830 году и даже получил от него в дар несколько рукописей, которые и были переданы в «Современник» (ныне они хранятся в архиве братьев Тургеневых).⁵⁶

Как видим, все позиции перечня из дневниковой записи от 9 января ныне прокомментированы, кроме первой — «мои письма». Ее смысл кажется очевидным. Гиллельсон, а вслед за ним и другие исследователи полагают, что Тургенев «передал Пушкину очередную пачку писем-корреспонденций»⁵⁷ (т. е. писем, адресованных дружескому кругу — Жуковскому, Вяземскому, Пушкину). Впрочем, и сам автор давал основания для такого предположения: «Для чего же ты не прочел в IV № Современника Хронику русского? — спрашивал Тургенев А. Я. Булгакова 18 января 1837 года. — В следующем, в марте месяце, прочтешь и продолжение».⁵⁸

Ознакомившись в первой половине 10-х чисел января с предложенными к публикации материалами, Пушкин выбрал только два: «письма» Тургенева и его «выписки» о Веймаре. 16 января он отправил Тургеневу пакет со следующим сопроводительным письмом: «Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы, и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc. Что вы вставите, то постарайтесь написать почетче. Думаю дать этому всему вот какое заглавие: труды, изыскания, *такого-то* или А. И. Т. в Римских и Парижских архивах». Статья глубоко занимательная.

Вот вам мои стихи к В. <яземскому>».⁵⁹

Далее Пушкин вписал адресованное Н. И. Тургеневу стихотворение «Так море, древний душегубец...», которое, как известно из дневника Тургенева, читал ему накануне, 15 января.

Письмо было обнаружено Л. Б. Модзалевским в 1934 году в ходе фронтального просмотра архива братьев Тургеневых на предмет выявления пушкинских рукописей и присоединено к Пушкинскому фонду.⁶⁰ При этом материалы, к которым оно прилагалось («Вот Вам Ваши письма»), не были найдены. Вместе с тем их содержание не составляло большой загадки: «Совершенно очевидно, — писал Гиллельсон, — что в письме Пушкина речь идет о „Хронике“, которая была напечатана в первом номере „Современника“, вышедшем после его смерти».⁶¹

8 октября 2020 года в процессе работы по составлению новой описи архива братьев Тургеневых я обнаружила рукопись, содержащую копии 17 писем Тургенева Голицыну от апреля 1835 — июля 1836 года с большой редак-

⁵⁵ Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев в Шотландии. Поездка в Абботсфорд // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1977. С. 53–58.

⁵⁶ Подробнее о переписке мадам де Сталь с Бонштеттеном см.: Азадовский К. Старые европейские комеражы. С. 117–118. Внесем некоторые уточнения в указанные исследователем архивные сведения. В архиве братьев Тургеневых хранятся две копии писем Бонштеттена к мадам де Сталь (16 писем от 1805 года), одна из которых с авторской правкой (ед. хр. ст. 800). Возможно, именно для Пушкина с нее и была снята копия (ед. хр. ст. 2040). «Мелкие сочинения» Бонштеттена — это, по-видимому, рукопись под названием «Fragments» (ед. хр. ст. 2041).

⁵⁷ Максимов М. [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 389.

⁵⁸ Письма А. Тургенева Булгаковым. С. 207.

⁵⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 16. С. 218.

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 681.

⁶¹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 478.

торской правкой рукой Пушкина и Тургенева.⁶² Принадлежность правки Пушкину подтвердила экспертиза, проведенная хранителем Пушкинского фонда Т. И. Краснобородько. Новонайденный автограф был присоединен к Пушкинскому фонду.⁶³ Таким образом, спустя почти 200 лет удалось воссоединить два документа, составлявших некогда единый комплекс. В архиве братьев Тургеневых они были разъединены: пушкинское письмо хранилось под ст. № 816₁, а письма Тургенева Голицыну — под ст. № 1063а.

Сверка с текстом «Хроники русского» в пятом томе «Современника» показала, что находка представляет собой редакторский экземпляр тургеневской публикации, — вся имеющаяся в рукописи правка была учтена. В содержательном плане это подборка писем-отчетов Тургенева Голицыну о своей археографической работе в Секретном Ватиканском архиве, но главным образом — в парижских архивах (2 и 9 писем соответственно; одно письмо отправлено из Лондона).

Рукопись очень хорошей сохранности; ее объем 60 архивных листов (30 фабричных полных листов писчей бумаги in folio, сложенных пополам). Листы многостраничных писем сшиты. Текст занимает внешнюю полосу страницы, внутренняя оставлена для дополнений и вставок.

Предыстория найденной рукописи такова. 9 января Тургенев мог передать Пушкину не подлинники, а только копии своих писем-отчетов (подлинники хранились в Почтовом департаменте). Здесь по просьбе Тургенева со всех его писем снимались и высылались ему заверенные копии; таким образом, в ф. 309 отложился большой их массив. В его составе имеются и, надо думать, те самые копии, которые Тургенев отдал Пушкину 9 января (ед. хр. ст. 1076д, л. 7–40). Они выполнены весьма неряшливо; листы исписаны полностью, место для правки отсутствует. По-видимому, качество копий не устроило Пушкина-редактора, и Тургенев запросил подлинники. Они были получены со следующим сопроводительным письмом: «Особая канцелярия при Главноначальствующем над Почтовым департаментом <...> честь имеет препроводить <...> 17^{тб} подлинных писем, покорнейше прося по миновании в них надобности приказать возвратить в Канцелярию. 11 января 1837» (ед. хр. ст. 1063б).⁶⁴ Очевидно, 12 января⁶⁵ Тургенев передал подлинники Пушкину, а тот, в свою очередь, заказал с них копии своему писарю, Леонтию Герасимову. Рукой последнего составлен документ, который содержит разгадку тургеневской публикации в пятом томе «Современника»:

«Счет переписчика

Переписано для А. С. Пушкина (при жизни его)
 Записки полковника Давыдова 30 листов
 Парижские письма (Г. Тургенева) 64
 Письма Г. Тургенева кн. Голицыну 40
 27 марта 1837 год. <...> Итого 85 руб. Ассигнац.

Писарь Герасимов».⁶⁶

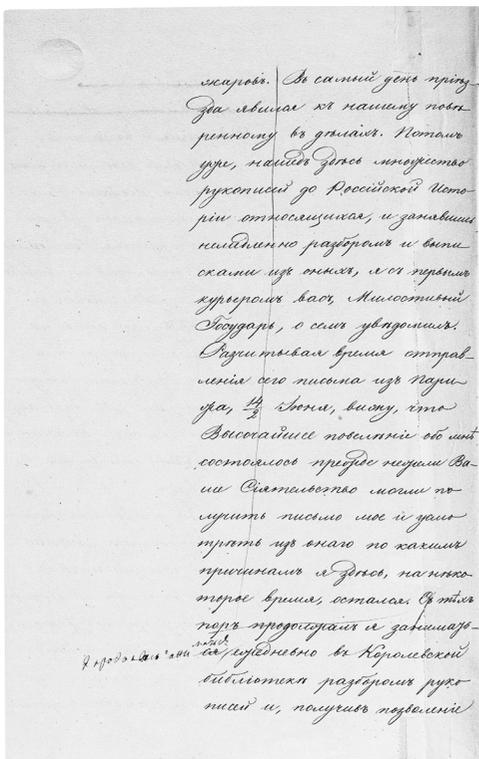
⁶² Впервые сообщение о находке было сделано 30 ноября 2020 года на Международных научных чтениях памяти В. Э. Вацура (Петербург, Пушкинский Дом).

⁶³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1777.

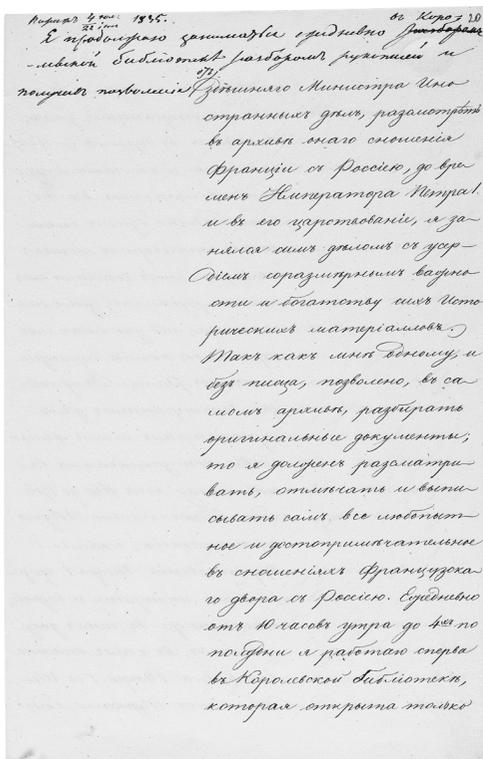
⁶⁴ Важно отметить местонахождение этого документа в архиве — он следует за новонайденным автографом, т. е. тематически с ним связан.

⁶⁵ «12 января. Вторник. А. И. Тургенев утром у Пушкина с коротким визитом» (Абрамович С. Январь 1837. Хроника // Абрамович С. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 247).

⁶⁶ Летописи Государственного Литературного музея. М., 1939. Кн. 5. Архив опеки Пушкина / Ред. и комм. П. С. Попова. С. 127. Судя по указанному количеству листов, под «парижскими письмами» следует понимать «Хронику русского», опубликованную в 1-м и 4-м томах «Современника». Сведения о публикации писем Тургенева Голицыну, приведенные П. С. Поповым в комментарии к «Счету переписчика», неверны (Там же).

Ил. 1. Правка рукой А. И. Тургенева

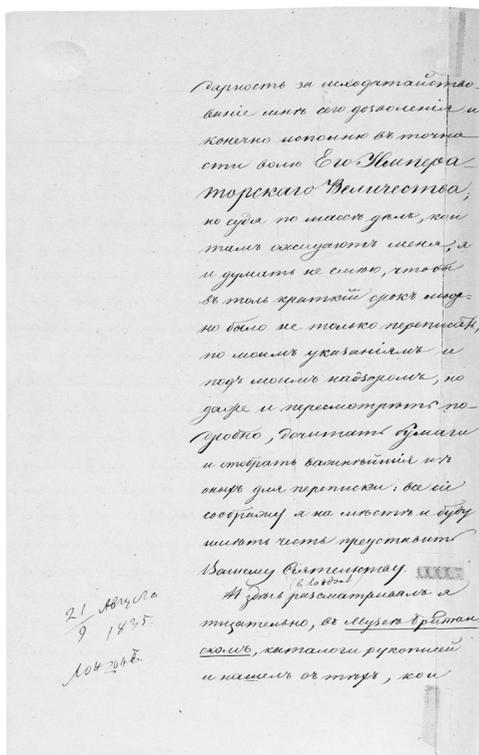
Ил. 2. Правка А. И. Тургенева, воспроизведенная рукой А. С. Пушкина на следующем листе рукописи

Дополнительно мы убедились в том, что копии, в которых имеется редакционная правка Тургенева и Пушкина, действительно изготовлены Л. Герасимовым, сравнив их с еще одним образцом его работы — копиями для посмертного издания сочинений Пушкина.⁶⁷ Сложнее обстоит дело с указанным в счете количеством листов. Как показало сопоставление счета со сделанными Л. Герасимовым копиями отдельных произведений для посмертного издания, переписчик учитывал количество заполненных фабричных полных листов in folio (такой лист соответствует двум листам по архивному счету). Обнаруженная нами рукопись содержит, повторим, 30 фабричных полных листов (при этом один из них, л. 49–50, изготовлен другим писарем). Таким образом, в ней на 11 фабричных листов меньше, чем в счете Л. Герасимова. Документальных данных для объяснения этого расхождения у нас нет.

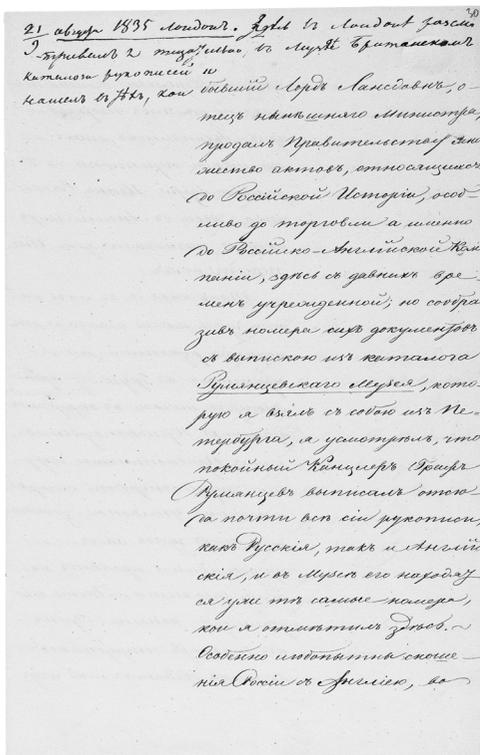
Итак, утром 16 января Пушкин отослал Тургеневу готовый для редактирования материал и снабдил автора «инструкциями». Первая фраза его письма: «Вот Вам Ваши письма» — явно содержит подтекст. Теперь он проясняется: речь идет об изготовленных копиях, а возможно, и пересылаемых с ними подлинниках, которые надлежало вернуть в Почтовый департамент.

В тот же день, 16 января, Тургенев приступил к работе: «Все утро просидел дома в чтении своих же писем к к. Гол<ицыну>. Не узнаю себя даже

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. Ед. хр. 93. Л. 556–674. О принадлежности этих копий Л. Герасимову см.: Архив опеки Пушкина. С. 176.

Ил. 3. Правка рукой А. И. Тургенева

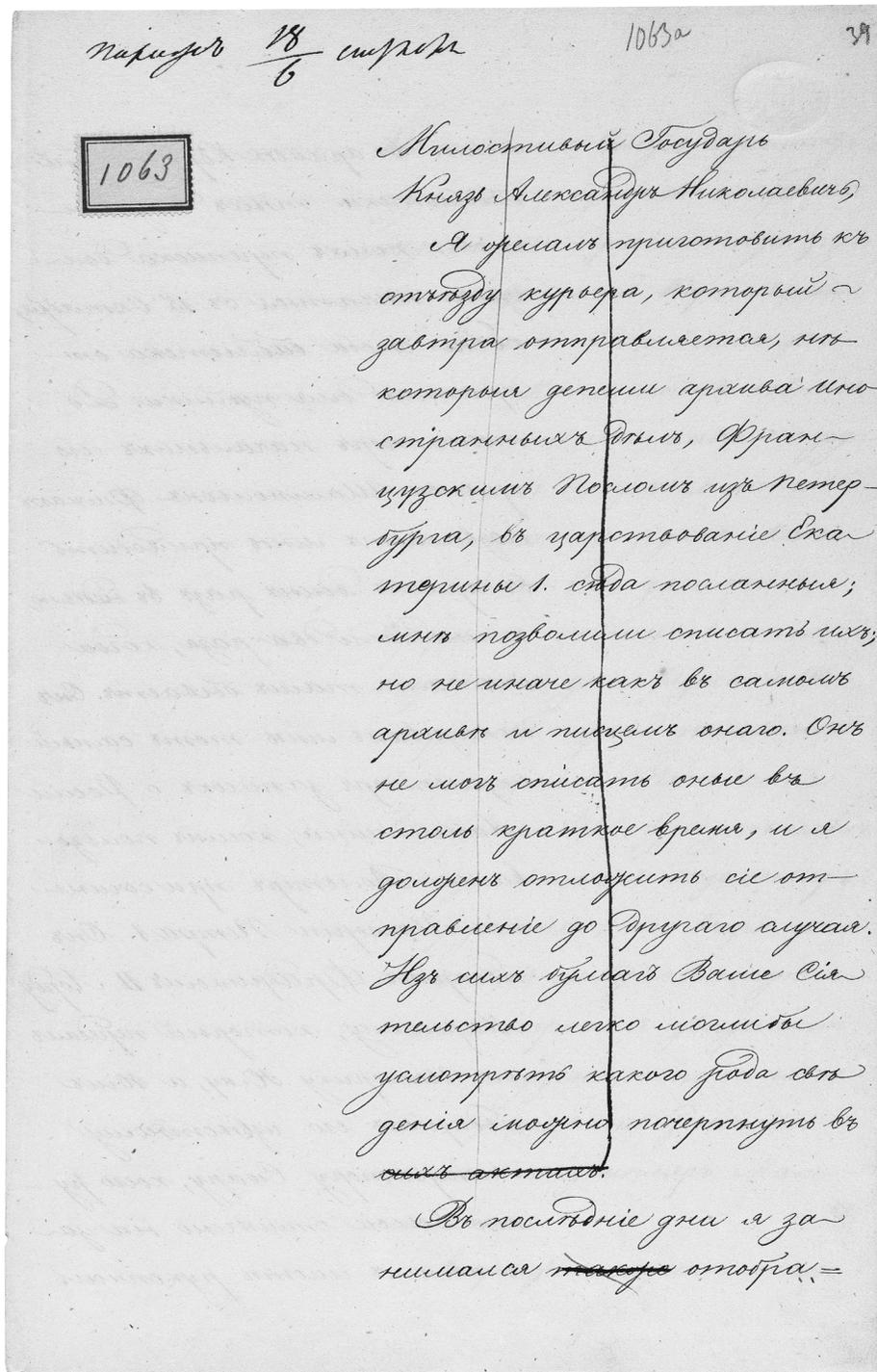
Ил. 4. Правка А. И. Тургенева, воспроизведенная рукой А. С. Пушкина на следующем листе рукописи

в прошлом году!» (Дневник, с. 268). Он повсеместно вычеркнул обращения («Милостивый Государь Князь Александр Николаевич»), некоторые «неудобные» места, на полях сделал немногочисленные вставки. Правка Тургенева выполнена тонким пером, бледными чернилами, не вполне отчетливо. Другой слой правки резко отличается от тургеневского: он сделан густыми черными чернилами, расписанным пером и принадлежит руке Пушкина.

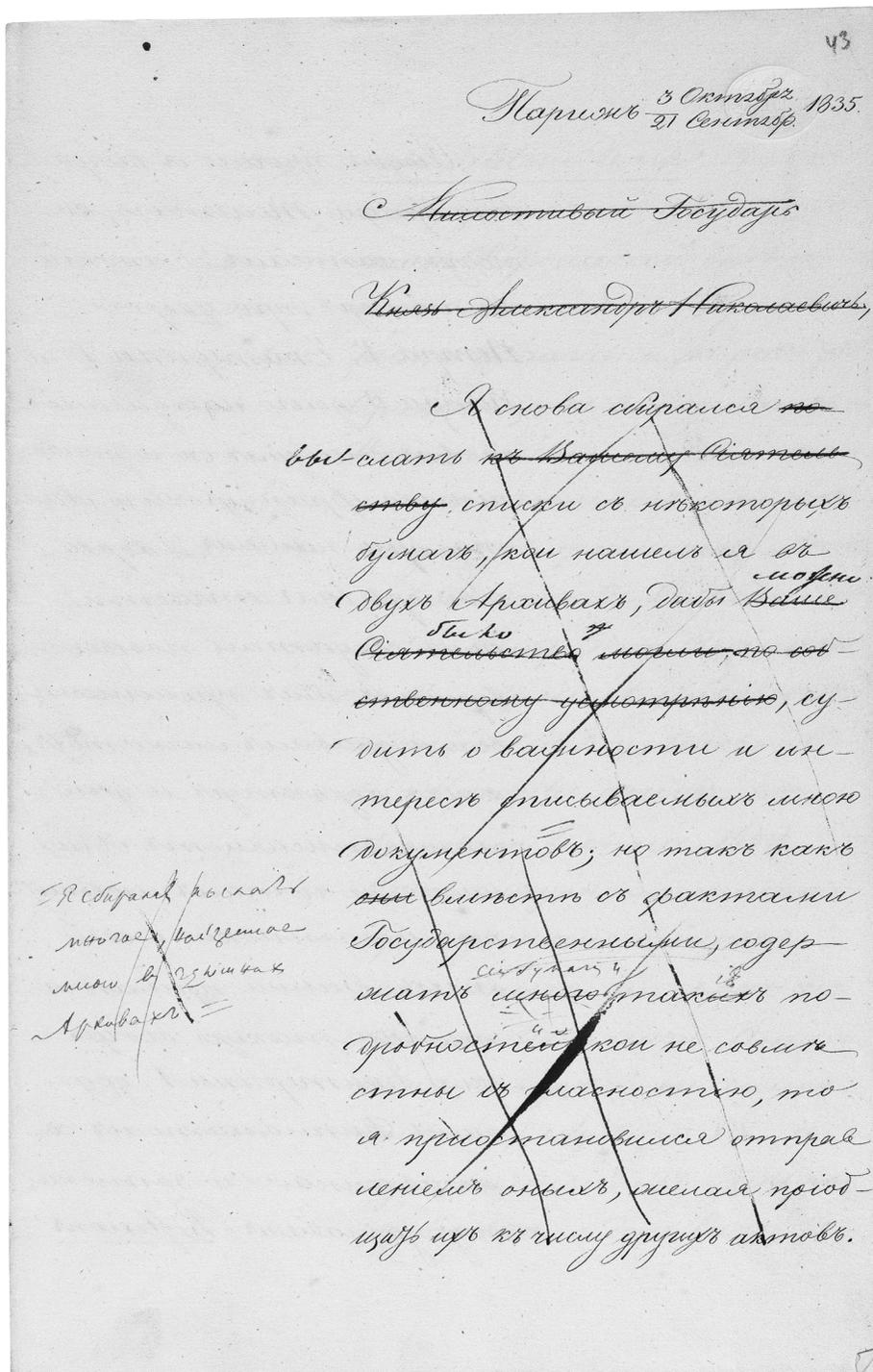
О двух одновременных слоях правки можно с уверенностью говорить на основании следующего факта: некоторые текстовые вставки Тургенева (вопреки пожеланию Пушкина ему не удалось сделать их «почетче») Пушкин впоследствии продублировал. Вообще записи его рукой (всего их семь — на л. 13, 20, 27, 30, 39, 51, 55) имеют скорее «технический» характер: это копирование небольших фрагментов тургеневского текста в связи с композиционными перестановками, а также вынесение дат в начало писем (см. ил. 1–4).⁶⁸ Гораздо большую смысловую нагрузку несут вычеркивания, принадлежность которых Пушкину определяется, в частности, по характеру чернил. Именно вычеркивания (всего их 28) представляют наибольший интерес для изучения его редакторской работы (см. ил. 5–6).

Сведений о том, что после 16 января Тургенев возвращался к редактированию своих писем, нет. Вероятной датой, когда он передал их Пушкину для окончательного просмотра, можно считать 21 января. В этот день он записал

⁶⁸ Кроме того, на л. 43 и 51 об. имеются исправления в отдельных словах (см. ил. 6).

Ил. 5. Место и дата — рукой А. С. Пушкина; текст перечеркнут тонкой вертикальной линией рукой А. И. Тургенева, справа жирной вертикальной линией — рукой А. С. Пушкина. На листе имеется наклейка с инвентарным номером

Ил. 6. Правка в верхней части листа, горизонтальные и крестообразные вычеркивания рукой А. С. Пушкина. Вставка на полях рукой А. И. Тургенева

в дневнике: «Зашел к Пушкину: о Шатобриане и о Гете и о моем письме из Симбирска» (*Дневник*, с. 269). С. Л. Абрамович связывает проблематику этого разговора с редакционными заботами Пушкина: сам он готовил для «Современника» рецензию на перевод «Потерянного рая» Мильтона, выполненный Шатобрианом, а Тургеневу, по всей видимости, напомнил об обещанном очерке, посвященном описанию дома Гете, который тот и завершил в продолжение двух последующих дней. 23 января Тургенев показал готовую рукопись «Веймарского дня» Пушкину и Плетневу, которые «читали ее и хвалили» (*Дневник*, с. 270). Трудно допустить, что в один из этих дней — 21 или 23 января, когда темой обсуждения была подготовка пятого тома «Современника», «парижские письма» были обойдены вниманием.

Получив рукопись от Тургенева, Пушкин отредактировал ее предположительно 25–26 января. Основанием датировки служит письмо Тургенева А. И. Нефедьевой от 28 января. Сообщая о дуэли, он по свежим следам передавал впечатления о своих последних встречах с поэтом: «3-го и 4-го дня (т. е. 25 и 26 января. — Н. Х.) <...> я провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для 5-ой книжки своего журнала».⁶⁹

Концептуальная задача Пушкина-редактора состояла в том, чтобы из официальных писем сделать статью, сюжетом которой являлся бы архивный поиск. Из текстов писем было по возможности изъято все, что обнаруживало их принадлежность к эпистолярному жанру (прежде всего, обращения и концовки, содержащие стандартные этикетные формулы), а также то, что выдавало их служебный характер, например указание даты в конце письма. Благодаря такому маленькому коррективу, как перенос дат, письма приобрели внешнее сходство с дневником (или с письмами-дневниками Тургенева из предыдущих частей «Хроники русского»).

Редакторские задачи не ограничивались тем, чтобы «вымарать казенные официальные фразы». Следовало, как писал Пушкин, убрать «некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc». А таких «слов» было много. Личная тема, не подлежавшая гласности, занимала в письмах значительное место.

Речь идет об очень тяжелой, унижительной истории выдворения Тургенева из Парижа согласно высочайшему предписанию от 4 июля 1835 года (в городе, закрытом для русских подданных, он находился якобы без «уважительных причин»). Тургенева возмутил цинизм этого циркуляра: «Неужели не жальется наконец надо мною и не дадут успокоиться у могилы брата? — писал он Голицыну 5 июля. — Пора бы убедиться, что я не для веселия света сюда приехал, а для труда, который здесь только совершить можно. <...> Разве здешние труды не могут почестся службою? Разве я менее академиков собрал исторических материалов для России? <...> Пожалуста <так!> помогите <...>».⁷⁰ Июль и август 1835 года он вынужден был провести в Лондоне, пока благодаря ходатайствам Голицына не получил разрешение вернуться в Париж и продолжить занятия в архивах. Все перипетии этой истории составляют в письмах отдельный большой сюжет. Пушкин-редактор исключил его; при этом он не мог не оценить исследовательского энтузиазма Тургенева, упорства, с которым тот боролся за право осуществить культурную миссию, выпавшую на его долю. Не напомнила ли ему эта история собственную, когда в 1834 году ради того, чтобы сохранить за собой право «рыться в старых архивах», он вынужден был отказаться от намерения выйти в отставку?

⁶⁹ Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина. С. 48.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1777. Л. 25–26 об. Имеется в виду С. И. Тургенев, скончавшийся в Париже в 1827 году и похороненный на кладбище Пер-Лашез.

И все-таки некоторые глубоко личные ноты были сохранены, как, например, признание в письме от 21 (9 апреля) 1835 года в связи с долгожданной поездкой в Париж: «Конечно, не наслаждения иного рода влекут меня туда, где я еще не совершенно одинок и где надеюсь в тишине кабинета и в мирных исторических занятиях, коих предмет — Россия, отдохнуть хотя на время от жизни, в которой было для меня столько утрат и столько бедствий!»⁷¹ Для осведомленного читателя смысл этих строк был очевиден. Неосведомленный прочел бы их как ламентацию сентиментального путешественника.

Небольшие фрагменты писем исключены явно по цензурным соображениям. Например, имея в виду влияние голштинского министра Х. Ф. Бассевица при дворе Екатерины I (он участвовал в составлении завещания императрицы), Тургенев так писал о периоде временщиков: «Сию эпоху Российской истории можно бы по справедливости назвать Голстинскою».⁷² Эта характеристика была исключена.

В целом в результате редакторской работы было изъято не менее четверти текста. Из 17 писем опубликованы 12; не вошли в «Современник» 4 письма, два письма под одной датой (12 июня (31 мая)) были объединены в одно.

Пушкин остановил свой выбор на письмах Тургенева Голицыну, конечно, как историк. Как журналист он увидел в них практически готовый материал, что в условиях крайнего дефицита времени оказалось поистине находкой. К тому же письма отвечали цезурным требованиям. «Политика, то есть газетная политика, — предупреждал Вяземский Тургенева, — не годится, <...> но историческую политику милости просим».⁷³

Пушкин готовил к печати не продолжение «Хроники русского», а «глубоко занимательную» «статью». Обращение к иному жанру позволяло выйти из кризиса, который сложился с публикацией «Хроник». С другой стороны, статья подводила черту теме архивных разысканий Тургенева 1835–1836 годов, которая в I и IV томах журнала была только намечена.

В выборе Пушкина, несомненно, сказалась и глубокая симпатия к Тургеневу. Сам акт журнальной публикации переводил, условно говоря, «тургневскую тему» из поля кулуарных обсуждений в поле публичности. Это были уже не отчеты Голицыну и даже не доклад императору, а широкая публичная презентация деятельности Тургенева, которая говорила сама за себя. Публикация не «всякой всячины», как Тургенев аттестовал свои дружеские письма, но писем-отчетов как нельзя эффективнее могла способствовать формированию общественного мнения, закреплению за Тургеневым репутации ученого-историка.

Новонайденный автограф принадлежит к числу самых последних. «Часть утра» 26 января, когда Тургенев видел Пушкина «веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости», была последними часами, проведенными ими вместе. Они «долго разговаривали о многом»,⁷⁴ в том числе о «парижских бумагах»: «...успел только прочесть Пушкину выписку из парижских бумаг Серб<иновича>», — записал, напомним, в тот день Тургенев в дневнике (*Дневник*, с. 271). Их беседа оборвалась на полуслове: Пушкин спешил домой, ожидая получить ответ от Геккерна. Затем он предпринял еще

⁷¹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 102.

⁷² Из письма от 18 (6) сентября (л. 41 об.).

⁷³ Письмо от 8 апреля 1836 года (Остафьевский архив. Т. 3. С. 312–313).

⁷⁴ Из письма Тургенева А. И. Нефедьевой от 28 января 1837 года (*Фомин* А. А. Новые материалы для биографии Пушкина. С. 48).

одну попытку продолжить беседу, послав Тургеневу записку: «Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов». Она сохранилась с пометой Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина на кануне Дуэля».⁷⁵

Даже надвигавшиеся роковые события не смогли заглушить исследовательский интерес Пушкина-историка к находкам Тургенева. Достигнув кульминационного момента, их общение трагически оборвалось...

Найденная рукопись избежала участи редакционных материалов «Современника», которые не сохранились.⁷⁶ Накануне дуэли она осталась у Тургенева, который, по-видимому, пожелал внимательно ознакомиться с правкой Пушкина: «Я сидел до 4-го часа, перечитывая мои письма», — записал он в дневнике под 26 января (*Дневник*, с. 271).

31 января он сообщал брату о намерении издать «Современник» в пользу семейства поэта, добавляя: «Я даю все мои письма, кои хотел напечатать Пушкин в нем».⁷⁷ Следовательно, интересующая нас рукопись находилась у него, в отличие от некоторых других принадлежавших Тургеневу материалов, которые были обнаружены в ходе «посмертного обыска» у Пушкина. В «Журнале, веденном при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина», от 15–17 февраля значится: «Собраны и вручены <...> Жуковскому бумаги и письма Тургенева к разным лицам, хранившиеся у Пушкина, для извлечения статей в „Современник“».⁷⁸ Тургенев получил их 18 февраля (*Дневник*, с. 277). Гипотетически эти документы также могут иметь следы редакторской работы Пушкина. Совершенно очевидно, что «письма к разным лицам» — это материалы для «Хроники русского». Что в таком случае следует понимать под «бумагами»?

14 февраля Голицын сделал доклад Николаю I о результатах археографической деятельности Тургенева. Накануне (не позднее 11 февраля) последний подготовил памятную записку для князя с перечнем различных просьб, которые просил довести до сведения императора. К этой записке сохранились тезисы; среди них такой: «О рукописях моих, данных Пушкину» (ед. хр. ст. 1944, л. 3). Не следует ли понимать под упомянутыми выше «бумагами», а также «рукописями моими» копии документов из парижских архивов, которые Тургенев мог дать Пушкину на время?

Как память о Пушкине, как единственное детище совместной работы рукопись, подготовленная для пятого тома «Современника», была Тургеневу драгоценна. К тому же воспоминания, связанные с участием в пушкинском журнале, льстили его авторскому самолюбию. В феврале 1838 года, переживая размолвку с редакцией «Современника», он записал в дневнике: «Теперь все приутихло в уме, как и в сердце, особливо с тех пор, как журнал Пушкина предпочитает статьи о *тамбовском патриотизме* письмам, коих строки Пушкин хотел вырезать на меди — золотыми буквами!»⁷⁹

Есть основания полагать, что издателям пятого тома Тургенев отдал не редакционный экземпляр с пометами Пушкина, а снятую с него копию. Таким образом ему удалось сохранить рукопись, которая неизбежно пропала

⁷⁵ *Абрамович С.* Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 278.

⁷⁶ По осторожному предположению Л. Б. Модзалевского, «Записки П. В. Нащокина» 1836 года, правленные Пушкиным и сохранившиеся в его бумагах, могли предназначаться для «Современника» (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. к печати и комм. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 125). Предположение высказано в комментариях к публикации «Записок» (Там же. С. 116–124).

⁷⁷ *Фомин А. А.* Новые материалы для биографии Пушкина. С. 61.

⁷⁸ *Цявловский М. А.* «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 282.

⁷⁹ *Максимов М.* [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 383.

бы в типографии, как прочие материалы «Современника». ⁸⁰ Это предположение основано на следующих фактах: во-первых, рукопись не имеет никаких следов типографской краски (именуемых на языке архивистов «пальчики»); во-вторых, Тургенев был крайне не заинтересован в разглашении имени адресата публикуемых писем. Копия, изготовленная по редакционному экземпляру с учетом всех изъятий, позволяла сохранить анонимность.

История находки будет неполна, если мы обойдем вниманием имя Голицына. Необходимо иметь в виду, что письма-отчеты Тургенева составляли служебную переписку; о ней был осведомлен император. Могли ли они быть преданы гласности без ведома адресата, пусть и в существенно измененном виде? Конечно, нет. Прежде всего потому, что это нанесло бы жестокий удар Тургеневу, судьба которого, равно как и судьба его брата, во многом зависела от благорасположения князя. Вопрос о публикации Тургенев должен был лично согласовать с Голицыным, у которого был частым гостем, прежде чем отдать письма Пушкину.

Уехав в Москву, Тургенев не застал последний этап подготовки пятого тома к изданию. Сообщил ли он редакции о намерении Пушкина озаглавить его письма «труды, изыскания, *такого-то* или А. И. Т. в Римских и Парижских архивах», — намерении, известном только ему, установить вряд ли возможно. В «Современнике» они появились под привычным названием «Хроника русского» без обозначения имени автора.

В архиве братьев Тургеневых сохранился любопытный документ — некий инвентарь под названием «Catalogue de raquets», составленный Тургеневым, в котором есть следующая запись: «Pouschkin — Портфель Пушкина — автографы — дополнение к автографам, которые есть в портфеле» (ед. хр. ст. 1948). В этом портфеле, следует думать, хранились и найденная ныне рукопись, и сопроводительное письмо к ней. Документы были разъединены, очевидно, в процессе обработки фонда (1910–1920-е годы). Не сумев установить принадлежность правки Пушкину, рукопись отнесли к комплексу писем Тургенева Голицыну.

«Дошедшие до нас сведения о трудах Пушкина зимой 1836/37 г. очень неполны, — писала С. Л. Абрамович. — Но даже эти отрывочные свидетельства дают нам представление о напряженной творческой деятельности, которая не прерывалась вплоть до того часа, когда Пушкин, оставив на столе рукописи и книги, покинул свой рабочий кабинет, чтобы заняться подготовкой к поединку». ⁸¹ Ныне дополнив хронику январских событий новым документальным свидетельством, мы можем еще раз убедиться в абсолютной правоте этих слов.

⁸⁰ Практика издания, высочайше дозволенная для «Современника», была такова: набор в типографии осуществлялся непосредственно с авторских рукописей. В цензуру доставлялись отпечатанные листы.

⁸¹ Абрамович С. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 146.